

ПЕРЕПИСКА РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В начале 1944 г. в ходе Великой Отечественной войны начался третий завершающий ее период. Победы Красной Армии оказывали решающее воздействие на характер военно-политической обстановки на всех театрах военных действий. Советско-германский фронт оставался определяющим для хода всей Второй мировой войны. Единственный в Европе сухопутный фронт наших союзников находился на Апеннинском полуострове, в Италии. Англо-американские войска в начале 1944 года подошли к Риму на 120 километров. На Британских островах расширялись масштабы подготовки к предстоящему проведению операции «Оверлорд» по высадке англо-американских войск на северо-западе Франции. У. Черчилль об этом регулярно информировал И. Сталина. На данный момент это был самый важный вопрос в переписке руководителей союзных держав. Между тем в текучке военных будней систематически всплывали и другие вопросы, каждый из которых на определенном этапе войны имел существенное значение.

23 декабря 1943 г., например, поверенный в делах Великобритании в СССР Д. Бальфур обратился в Наркомат иностранных дел с письмом, в котором сообщал, что греческий премьер-министр Цудерос собирается обратиться по радио с воззванием к греческим партизанам, содержащим призыв прекратить гражданскую войну между собой и создать единство сил для борьбы против гитлеровцев. В этом воззвании он хотел бы сказать, что его призыв одобряют правительства Англии, Советского Союза и США. Сообщая о том, что английское правительство готово одобрить такое воззвание, Бальфур спрашивал, может ли Советское правительство уполномочить Цудероса сделать его и от имени правительства СССР. 3 января 1944 г. посол Советского Союза в Англии Ф. Т. Гусев, по поручению правительства, дал положительный ответ на предложение Великобритании. У. Черчилль в послании от 5 января 1944 г. выразил большую признательность И. Сталину за «помощь в отношении греков» [1, с. 217, 458–459].

С начала 1944 г. ситуация на Балканах привлекает все большее внимание Великобритании. С весны 1941 г. в Лондоне находилось эмигрантское югославское королевское правительство. Успехи руководимой И. Б. Тито Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) потребовали установления прямой связи с югославскими партизанами. С этой целью в районы, контролируемые НОАЮ, направляется англо-американская миссия, руководимая бригадиром Маклином [1, с. 219]. И. Сталин поддержал действия союзников по установлению связи с югославскими патриотами [Там же, с. 220].

Югославия была оккупирована Германией и Италией в апреле 1941 г. В скором времени в стране развернулось широкое повстанческое движение. В ходе борьбы на базе многочисленных партизанских отрядов была создана Народно-освободительная армия «Югославия». К началу 1944 г. она насчитывала до 300 тысяч закаленных в сражениях бойцов, которые контролировали более 50 % (130 тыс. кв. км.) родной земли с населением в около 5 млн человек [2, с. 434]. В Лондоне в эмиграции пребывали югославский король Петр II Карагеоргиевич и правительство во главе с И. Шубашичем. В самой Югославии еще в конце 1943 г. был создан Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) с функциями временного правительства. Председателем НКОЮ был назначен руководитель партизанского движения маршал И. Броз Тито. На освобожденных территориях формировались органы новой власти, федерации равноправных народов – антифашистские вече народного освобождения. Их решениями эмигрантское королевское правительство лишалось всяких прав, а королю Петру II запрещалось возвращение в страну до окончания войны [Там же, с. 435].

О том, насколько важное значение придавал У. Черчилль установлению контактов с правительством И. Б. Тито, свидетельствует уже тот факт, что в состав военной делегации Великобритании, направленной к югославским партизанам в январе 1944 г., входил и сын премьер-министра Рандольф Черчилль [1, с. 217].

Предметом особой озабоченности британского премьер-министра было состояние советско-польских отношений. И дело не только в том, что в Лондоне находилось эмигрантское правительство Польши. Нападение гитлеровской Германии на эту страну было формальным поводом вступления Великобритании во Вторую мировую войну. На различных фронтах, вместе с англичанами и под их общим руководством сажались многочисленные польские воинские формирования. Великобритания была очень заинтересована в том, какое место в послевоенном мире будет занимать Польша. В равной степени это относилось и к Советскому Союзу.

Советско-польские отношения резко осложнились, когда весной 1943 года немецкая пропаганда объявила о найденных в смоленских лесах захоронениях расстрелянных военнопленных польской армии. В преступлениях обвинялся Советский Союз. Сталина возмутило то, что «клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами, <...> была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной

печатью». При этом, как отмечалось в послании Сталина Черчиллю, польское руководство не сочло нужным даже обратиться к Советскому правительству с какими-либо вопросами по этому поводу или разъяснениями. Более того, польское руководство совместно с гитлеровцами начали расследования этого случая. «Для “расследования”, – писал Сталин Черчиллю 21 апреля 1943 г., – привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое “расследование”, к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей» [1, с. 145]. И. Сталин писал Черчиллю, что все эти обстоятельства вынуждают советскую сторону признать, что нынешнее правительство Польши скатилось на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратив тем самым на деле союзнические отношения с СССР. Исходя из этого Советское Правительство сочло необходимым прервать отношения с правительством генерала Сикорского [Там же, с. 146].

С выходом Красной Армии на Правобережную Украину в завершающий период Великой Отечественной войны польский вопрос не потерял своей актуальности в переписке глав правительств СССР и Великобритании, что подпитывалось разногласиями среди польских политических сил, обитающих в Лондоне, на которые Черчилль вынужден был реагировать. Дело в том, что значительное количество лондонских поляков были не в ладу с реальностью. Именно этим можно было объяснить их требования провести восточную границу Польши по линии разграничения согласно Рижскому мирному договору 1921 г. «Ознакомившись с подобным изложением ваших бесед с деятелями эмигрантского правительства, – писал Сталин У. Черчиллю 3 марта 1944 г. – я еще раз пришел к выводу, что такие люди не способны установить нормальные отношения с СССР. Достаточно указать на то, что они не только не хотят признать линию Керзона, но еще претендуют как на Львов, так и на Вильно» [Там же, с. 247].

Как видно из содержания переписки, У. Черчилль прилагал большие усилия чтобы, с одной стороны, сгладить неблагоприятное впечатление Сталина от позиции эмигрантского правительства Польши, а с другой стороны, объяснить польским министрам, что подходы Советского правительства к вопросам о границах Польши – это согласованная точка зрения союзников.

В переписке руководителей СССР и Великобритании, датированной июнем 1944 г., доминирующее место принадлежит военным событиям. 6 июня союзные войска высадились в Северо-Западной Франции. Операцию невиданных ранее масштабов с участием боевых подразделений, насчитывающих сотни тысяч военнослужащих и огромное количество военной техники, возглавил американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Высадка десанта была осуществлена на побережье залива Сены в проливе Ла-Манш, а не в проливе Па-де-Кале, как рассчитывало немецкое командование [2, с. 411, 412].

«Мы используем 5000 судов, и в нашем распоряжении имеется 11 000 полностью подготовленных самолетов», – писал Черчилль Сталину 5 июня 1944 г. [1, с. 266]. Оценивая значение этого события, И. Сталин отметил в беседе с корреспондентом газеты «Правда»: «Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

... История отметит это дело как достижение высшего порядка» [4, с. 621].

Параллельно с открытием Второго фронта, как и обещало Советское правительство, началось наступление Красной армии на различных участках советско-германского фронта. Наиболее мощный удар был нанесен на белорусском направлении 23 июня 1944 г. силами четырех фронтов, численность которых достигала 2,4 млн человек. 20 июля Красная армия форсировала Западный Буг и вступила на территорию Польши [2, с. 381, 383].

Именно в это время, вполне вероятно с подачи эмигрантского правительства, У. Черчилль в переписке со Сталиным активизирует обсуждение польского вопроса. Польских эмигрантов очень интересует, кто будет создавать органы власти в освобожденных районах Польши в условиях, когда Москва разорвала все отношения с польским правительством, находившимся в Лондоне еще в 1943 году. Точка зрения главы Советского правительства была изложена в послании от 23 июля, где он анализировал сложившуюся ситуацию. В этой обстановке, – писал Сталин, – перед нами встал практически вопрос об администрации на польской территории. Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским Комитетом Национального Освобождения, который <...> намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским Правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишенными влияния. Польский Комитет я не могу считать правительством Польши, но, возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного польского правительства из демократических сил» [1, с. 287–288].

26 июля 1944 г. между Советским правительством и Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО) было подписано «Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши», в соответствии с которым Комитет полностью брал на себя руководство всеми делами гражданского управления на освобожденных территориях [3, с. 153–155]. На следующий день Советское правительство и ПКНО заключили соглашение о советско-польской границе, в основу которой была положена так называемая линия Керзона. Одновременно Советское правительство

признало, что граница между Польшей и Германией должна быть установлена «по линии западнее Свинемюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Нейсе и отсюда по реке Нейсе до чехословацкой границы» и взяло обязательство поддерживать требование об установлении границы по указанной линии [3, с. 156–157].

В переписке руководителей СССР и Великобритании завершающего периода Великой Отечественной войны польский вопрос занимает ключевое место, естественно, после германского. Выход Красной армии летом 1944 г. к этническим границам Польши, разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с эмигрантским правительством только усиливали остроту полемики с англичанами. 31 декабря 1944 г. в Люблине было принято решение о преобразовании ПКНО во Временное Национальное Правительство Польской Республики. Советский Союз признал новое правительство Польши [1, с. 343–344, 464]. В ответ на просьбу Ф. Рузвельта отложить на месяц признание этого правительства, Сталин заявил, что никак не может этого сделать, так как «27 декабря Президиум Верховного Совета СССР на соответствующий запрос поляков уже сообщил, что он намерен признать Временное Правительство Польши, как только оно будет сформировано. Это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание» [Там же, с. 347].

Успешно развивающееся летнее наступление Красной армии, ее выход за пределы советских границ 1941 года, открытие Второго фронта в Западной Европе свидетельствовали о том, что на европейском континенте сложилась новая военно-политическая реальность. Обстановка требовала очередной встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции для обсуждения огромной массы накопившихся вопросов, которые физически нереально было решить путем взаимной переписки.

19 июля 1944 г. президент Ф. Рузвельт, с согласия У. Черчилля, обратился к И. Сталину с предложением о новой трехсторонней встрече в период между 10 и 15 сентября. «Север Шотландии, – писал президент, – был бы пунктом, расположенным наиболее близко к половине расстояния между мною и Вами. Вы могли бы прибыть либо на корабле, либо на самолете, а я мог бы отправиться на корабле» [5, с. 158].

«Я хорошо знаю Ваши трудности, – писал Черчилль Сталину 24 июля, – а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана» [1, с. 288].

Встреча лидеров союзных держав в шотландском Инвергордоне не состоялась. Как писал Сталин 26 июля: «в данное время, когда советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выезжать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время» [Там же, с. 291].

После прояснения позиции советского лидера в переговорах о месте и времени новой встречи наступила пауза, хотя вопрос с повестки дня не был снят. Выход из тупика наметился, когда ближайший советник Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс в разговоре с советским послом в Вашингтоне А. А. Громыко высказал соображения допускавшие возможность прибытия Рузвельта для участия в очередной встрече союзников в район советского Причерноморья. Эту мысль подтвердил также американский посол в Москве А. Гарриман [6, с. 490].

Такой вариант вполне устраивал Сталина, о чем он немедленно сообщил Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения, – писал Сталин 19 ноября» [5, с. 174].

В ответном послании Сталину Рузвельт выражает удовлетворение итогами визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г., полагая, что достигнутые договоренности ускорят и облегчат предстоящую работу на трехсторонней встрече в ноябре.

Что же касается будущей поездки президента на трехстороннюю встречу в район Черного моря, то по этому вопросу в администрации Рузвельта твердого единства не было. Руководство военно-морского флота было решительно против появления президентского корабля в Эгейском море и Дарданеллах, т. к. это требовало бы очень сильного эскортного сопровождения, что отвлекало бы военные корабли от других направлений. В этой ситуации У. Черчилль в качестве альтернативного варианта предложил встретиться в Александрии или Иерусалиме, рассматривались Афины. В послании от 18 ноября, Рузвельт, в связи с избирательной кампанией в США, предложил дату встречи перенести на 29–30 января 1945 г. [Там же, с. 178].

Сталин против изменения времени встречи не возражал, но в качестве места встречи настаивал на одном из советских портовых городов [Там же, с. 172]. Один из наиболее доверенных сотрудников президента Г. Гопкинс вспоминал впоследствии: «... Все ближайшие советники президента были против его поездки в Россию; большинству не нравились русские или они, во всяком случае, не доверяли им. Они не могли понять, зачем президенту Соединенных Штатов разъезжать по всему свету, чтобы встретиться со Сталиным. ... Я был уверен, что президент в конечном счете отправится в Крым. И основная причина тут в том, что в этой части света он никогда не бывал, а его авантюрная душа всегда влекла его в необычные места» [6, с. 492].

В конечном итоге Рузвельт объявил о согласии с позицией Сталина. 27 декабря он поручил послу А. Гарриману сообщить главе Советского Правительства, что готов прибыть на встречу «большой тройки» в Ялте в феврале 1945 г. [Там же].

Одним из значимых вопросов в переписке Сталина и Черчилля после Крымской конференции был скорейший возврат союзных военнопленных, освобождаемых Красной Армией из немецких лагерей в ходе зимнего на-

ступления в 1945 г. 11 февраля 1945 г. в результате переговоров, имевших место в Ялте, между СССР и Англией, а также СССР и США были заключены аналогичные соглашения, в которых предусматривались мероприятия по защите, содержанию и репатриации союзных военнопленных и гражданских лиц – граждан СССР, США и Англии, освобожденных союзными вооруженными силами [1, с. 467]. «Я был бы весьма благодарен, если бы Вы лично рассмотрели этот вопрос», – пишет Черчилль Сталину 21 марта [1, с. 363]. Отвечая Черчиллю через 2 дня Сталин ставит его в известность, что все английские военнопленные уже «находятся на пути в Одессу для поездки на родину» [Там же, с. 363].

Весьма острым вопросом на протяжении всей войны в советско-английских отношениях, и это нашло свое отражение в переписке глав правительств, оставалось послевоенное будущее Польши. На Крымской конференции союзные державы достигнутые договоренности закрепили в соглашении «О Польше». Оно предусматривало создание в Москве специальной Комиссии, которую должны были составить нарком иностранных дел СССР и послы Великобритании и США. На нее возлагалось проведение консультаций с находящимся в Варшаве Временным польским правительством, созданном при поддержке СССР, по вопросу реорганизации этого правительства путем включения в него лидеров демократических сил как из самой Польши, так и из-за границы.

В расширенном виде позиция США и Великобритании была изложена в посланиях президента Ф. Рузвельта и премьер-министра У. Черчилля И. Сталину от 1 апреля 1945 г. и в совместном У. Черчилля и нового президента США Г. Трумена 18 апреля [Там же, с. 365–367; 384–386; 370–373; 384–386]. В этих документах изложены замечания союзников по поводу Московской комиссии. Они касались целого ряда деталей, которые, вполне естественно, не могли быть прописаны в документах Крымской конференции, как то: масштабы реорганизации польского правительства, количество и пропорции нового представительства в правительстве и т. д.

Учитывая все еще сохраняющиеся между союзниками расхождения по польскому вопросу, И. Сталин 24 апреля 1945 г. направляет У. Черчиллю довольно жесткое и к тому же весьма недвусмысленное по характеру послание, где отмечает: «Следует также учесть то обстоятельство, что Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США. Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции. Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши» [1, с. 391].

Пространный ответ Черчилля был получен в Москве 28 апреля. Он также был довольно жестким по содержанию, как и послание Сталина, но с учетом всех дипломатических формальностей. Советский Союз обвинялся в отступлении от ялтинских договоренностей по польскому вопросу. После Крымской конференции, пишет Черчилль, «не произошло абсолютно никаких сдвигов в направлении формирования “нового” и “реорганизованного” польского правительства, напротив, в это же время Советское Правительство заключает договор сроком на двадцать лет с существующим Временным Правительством Берута, хотя это правительство по-прежнему не является ни новым, ни реорганизованным. Мы чувствуем, что именно нам диктовали условия и именно нас прижали к стене в деле, которое как мы искренне верили, было урегулировано в духе дружбы и товарищества в Крыму» [Там же, с. 402].

Завершая свое обширное послание, где премьер-министр дает характеристику разногласиям, которые начали возникать между союзниками на завершающем этапе войны, Черчилль заостряет внимание на следующих обстоятельствах: «Но прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивайте расхождений, намечающихся по вопросам, которые могут Вам показаться маловажными для нас, но которые символизируют мировоззрение демократических народов, говорящих на английском языке» [Там же, с. 407].

Ответное послание Сталина, направленное Черчиллю 4 мая, свидетельствовало о том, что по польскому вопросу между союзниками по-прежнему отсутствует взаимопонимание: «Должен сказать, – писал Сталин, – что я не могу согласиться с Вашими доводами, которые Вы приводите в обоснование своей позиции.

Как видно из Вашего послания, Вы не согласны считаться с Временным Польским Правительством как с основой будущего Правительства Национального Единства и не согласны отвести ему в этом Правительстве то место, которое оно должно занимать по праву. Должен откровенно сказать, что подобная позиция исключает возможность согласованного решения по польскому вопросу» [1, с. 410, 412].

Переписка руководителей СССР и Великобритании на завершающем этапе Великой Отечественной войны раскрывает характер отношений между странами, входившими в антигитлеровскую коалицию и являвшимися партнерами по антифашистской борьбе. Документы показывают насколько широкой была сфера сотрудничества СССР, США и Англии во время войны. Участники коалиции не только смогли выработать общую стратегию борьбы против агрессора, но и определить перспективы послевоенного мироустройства, которые многие десятилетия поддерживали международную стабильность и миропорядок.

Вместе с тем союзникам по антигитлеровской коалиции послевоенная реконструкция Европы виделась по-своему. Каждый из победителей выступал с точки зрения национальных интересов своей страны. Именно так можно охарактеризовать общую атмосферу политического климата победного года войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. – М. : Политиздат, 1996. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
2. Вторая мировая война. Краткая история. – М. : Наука, 1984. – 592 с.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (январь 1944 – декабрь 1945). – М. : Изд-во АН СССР, 1974. – Т. 8. – 682 с.
4. *Верт, А.* Россия в войне 1941–1945 / А. Верт – М. : Прогресс, 1967. – 774 с.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2-х т. – М. : Политиздат, 1976 – Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Труменом (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). – 327 с.
6. *Березков, В. М.* Страницы дипломатической истории. – М. : Междунар. отношения, 1984. – 616 с.